

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Iss. 4, pp. 826–837, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.21+294.321
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

Будда в мифологической традиции ойратов

Баазр Александрович Бичеев¹, Урнэхдэлгэр Дашизэвэг²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор философских наук, главный научный сотрудник
 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

² Ховдский филиал Монгольского государственного университета (Р. О. Вох 16/4300, 213500 Ховд, Монголия)
 PhD, профессор, заведующий кафедрой
 0000-0002-3099-5710. E-mail: urnukhdelger.d[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бичеев Б. А., Урнэхдэлгэр Дашзэвэг, 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию религиозно-мифологической традиции ойратов, которая лежит в основе их этнической картины мира. *Цель* исследования заключена в выявлении соотношения разностадийных пластов в структуре архаических мифов, появившихся после принятия буддизма ойратами. *Материалы и методы.* Основным материалом исследования послужили образцы мифов ойратов Синыцзяна, опубликованные в фольклорных сборниках и периодических изданиях на «ясном письме» во второй половине прошлого столетия. Анализ такого рода образцов устного творчества вызывает необходимость применения не только традиционных методов исследования устной словесности, но и междисциплинарного подхода, позволяющего выявить закономерные процессы, обеспечивавшие отбор и сохранение определенных сюжетов и устойчивость религиозно-мифологической традиции. *Результаты.* Исторические и культурные связи ойратов уходят в глубину древней истории тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Вследствие этого в их мифологии и сказочном фольклоре наблюдаются разные пласты архаических мифов, древних религиозных воззрений и буддийской мифологии. В содержании ряда мифологических и сказочных сюжетов, в которых наблюдается пересечение моральных и религиозных установок буддизма с устной традицией, персонажами выступают как сам Будда, так и другие божества буддийского пантеона. Анализ текстов ойратских мифов показывает, что сосуществование устной художественной системы с буддийской литературой повлекло естественное внедрение буддийского взгляда на мир во все аспекты духовной жизни ойратов, в том числе в структуру и содержание архаических мифов.

Ключевые слова: ойраты, мифологическая традиция, Будда, буддизм, буддийская литература, устная традиция

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации («Буддизм и глобальные вызовы современного мира», № 075-03-2023-121/2).

Для цитирования: Бичеев Б. А., Урнэхдэлгэр Дашзэвэг. Будда в мифологической традиции ойратов // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 826–837. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

Buddha in the Mythological Tradition of the Oirats

Baazr A. Bicheev¹, Urnukhdelger Dashzeveg²

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Research Associate

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

² Khovd branch of the Mongolian National University (P. O. Box 16/4300, 213500, Hovd, Mongolia)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department

 0000-0002-3099-5710. E-mail: urnukhdelger.d[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Bicheev B. A., Urnukhdelger Dashzeveg, 2024

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the religious and mythological tradition of the Oirats, which underlies their ethnic worldview. *The purpose* of the study is to identify the relationship of different stages in the structure of archaic myths that appeared after the Oirats adopted the Buddhism. *Materials and methods.* The main material of the study are samples of the Oirats' myths of Xinjiang, published in folklore collections and periodicals in “clear writing” in the second half of the last century. The analysis of such samples of oral creativity necessitates the use of not only traditional methods of studying oral literature, but also an interdisciplinary approach that allows us to identify the regular processes that ensures the selection and preservation of certain plots and the stability of the religious and mythological tradition. *Results.* Historical and cultural ties of the Oirats go deep into the ancient history of the Turco-Mongol peoples of Central Asia. As a result, in their mythology and fairy-tale folklore we can see different layers of archaic myths, ancient religious views and Buddhist mythology. In the content of a number of mythological and fairy-tale plots, in which the intersection of moral and religious principles of Buddhism with oral tradition is observed, the characters are both Buddha himself and other deities of the Buddhist pantheon. Analysis of the texts of Oirat myths shows that the coexistence of the oral artistic system with Buddhist literature led to the natural introduction of the Buddhist view of the world into all aspects of the spiritual life of the Oirat ethnic group, including the structure and content of archaic myths.

Keywords: Oirats, mythological tradition, Buddha, Buddhism, Buddhist literature, oral tradition

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project no. 075-03-2024-113 “Buddhism and global challenges of the modern world”.

For citation: Bicheev B. A., Urnukhdelger Dashzeveg. Buddha in the Mythological Tradition of the Oirats. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(4): 826–837. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-826-837

1. Введение

Традиционный для кочевников Центральной Азии тип мифологической системы был присущ всем тюрко-монгольским народам [Неклюдов 2019: 14]. Согласно распространенному положению, ее разделяют на степную (скотоводческую) и лесную (охотничью) мифологию, однако с учетом подвижности их границ [Неклюдов 2019: 14]. Древние истоки религиозно-мифологической традиции, по мнению исследователей, в большей неизменности сохранилась у таежных жителей, нежели у степных кочевников. У последних под влиянием проходивших у них исторических процессов консолидации в государственные образования перенастраивалась архаическая картина мира, а древние родовые культы почитания возводились в ранг государственных [Неклюдов 2019: 14].

Одним из носителей этой древней религиозно-мифологической традиции являются ойраты, которые в настоящее время в силу сложившихся обстоятельств исторически проживают на территории трех государств — Монголии, Китая и России. При этом ойраты относятся как к степной, так и лесной религиозно-мифологической традиции [Мифы народов мира 1994: 247–248]. Изменения, вызванные эпическим мышлением, затем принятием буддизма, повлияли на структуру и содержание мифов. Мифологические и эпические представления ассимилировались с буддийской картиной мира. К началу XVII в. буддизм уже стал неотъемлемой частью духовной жизни ойратов, что подтверждают законы «Великого Уложения», принятого на монголо-ойратском съезде 1640 г. [Их цааз 1981: 16].

Вслед за созданием в 1648 г. ойратского национального «ясного письма» начался период активной деятельности по переводу с тибетского языка буддийских текстов. За сравнительно короткий период времени было переведено более двухсот сочинений канонического содержания и произведений буддийской литературы [Раднабхадра 1999: 62–67]. Рукописные книги на «ясном письме» получили массовое распространение на огромном пространстве ойратских кочевий, простиравшихся от озера Кукунор на юге и до озера Балхаш на севере, от берегов Волги на западе до рек Иртыш и Ховд на востоке.

Устная художественная система ойратов, в которой еще сохранялись мифологические представления, стала сосуществовать с региональной буддийской литературой, возникшей на пересечении письменных и устных традиций [Топоров 2003: 13]. Широкую популярность получили повествования, в которых Будда был главным персонажем. Среди ойратских переводов известны два сборника буддийских джатак¹, повествующих о многочисленных рождениях Будды [Будда 2001; Джатаки 2003]. Наиболее популярные из них под влиянием устной системы лишались своего традиционного обрамления и превращались в буддийские притчи [Эрман, Парибок 2003: 14]. В силу текучести их структуры они обретали параллельное существование в двух художественных системах — устной и письменной.

2. Материалы и методы исследования

Опираясь на немногочисленные труды отечественных и зарубежных фольклористов, посвященных этой проблеме, и на основе собственных поле-

¹ Один из них представляет труд Арья Шуры «Гирлянда джатак» [Арья Шура 2000], другой — известный сборник джатак «Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо)» [Сутра 2002].

вых материалов, собранных во время многолетних экспедиций в Монголии, С. Ю. Неклюдов поднимает широкий круг вопросов, связанных с ритуально-мифологической традицией монгольских народов. Анализ ритуально-мифологической составляющей этнической культуры монгольских народов выполнен на основе нескольких важных ее составляющих: картины мира как концепта реальной действительности, трансформации мифологического сюжета, системы демонологических представлений, соотношения религиозной и народной традиции, парадигмы отношений мифа и обряда [Неклюдов 2019: 12].

Исходя из обоснованных в данной работе подходов к анализу соотношения разностадийных вкраплений в структуру мифа, основное внимание в нашем исследовании уделено анализу лишь некоторых мифологических сюжетов, в которых основным персонажем выступает Будда Шакьямуни. Основной принцип исследования заключен в том, что анализ мифологических сюжетов требует комплексного подхода, поскольку линия разграничения религиозно-мифологических традиций монгольских народов до принятия ими буддизма, тюркских народов до их вступления в ислам, а также оставшихся приверженцами традиционных верований народов Сибири, как уже было отмечено исследователями, достаточно подвижна [Неклюдов 2019: 14].

Основным материалом исследования послужили тексты мифов ойратов Сынцзяна, опубликованные в периодических изданиях и фольклорных сборниках, издававшихся на «ясном письме» после культурной революции в Китае. Уникальный фольклорный материал опубликован в журнале «Хан Тенгер» («Xān Tengger»), который издавался с 1981 г. по 1993 г. в Сынцзяне (г. Урумчи). Опубликованные фольклорные материалы частью были собраны местными исследователями, частью присланы в адрес редакции самими сказителями либо записаны энтузиастами у знатоков и носителей фольклора.

Среди большого количества опубликованных сказок, эпических текстов, исторических и религиозных преданий, занимательных притч и других видов фольклорных текстов опубликовано определенное количество мифов. К сожалению, эти образцы мифов не стали объектом научного исследования и, по сути, не введены в научный оборот. Фольклористы Китая в последние два десятилетия в силу поставленных государством задач занимаются сбором и публикацией песен эпосов «Джангар» и «Гесер». Для монгольских и российских исследователей материал остается практически недоступным. Номера журнала «Хан Тенгер» стали библиографической редкостью, и полного его комплекта нет ни в одной из университетских библиотек монголоведческого направления Сынцзяна, Внутренней Монголии, провинций Ганьсу и Цинхай КНР. К тому же среди фольклористов Монголии и России мало специалистов, имеющих опыт работы с текстами на «ясном письме».

Таким образом, анализ такого вида устного творчества вызывает необходимость применения не только традиционных методов исследования фольклора, но и междисциплинарного подхода, позволяющего выявить процессы, обеспечивавшие сохранность и устойчивость тех или иных сюжетов религиозно-мифологической традиции ойратов.

3. Результаты и обсуждение

В содержании ойратских мифов присутствует своеобразный сплав элементов сакрального акта творения и привнесенных буддийских страт, свидетельствующих

щих о замещении традиционных представлений новым буддийским взглядом на окружающий мир. При этом, как известно, сюжет архаического мифа не содержит какой-либо моральной оценки, поскольку представляет модель первоначального значения, которое не является образцом хорошего или плохого действия [*Элиаде 2001: 161*].

Все, о чем сообщается в мифе, имеет прямое отношение к существованию человека в этом мире и касается его самым непосредственным способом. Коллективный характер мифологического воображения свидетельствует о том, что по своей природе миф социален и существует благодаря обществу и во благо общества [*Кайуа 2003: 83–84*].

3.1. Буддийские элементы в мифе о творении первых людей

Исследователи высказывали разные точки зрения относительно буддийской мифологии в духовной культуре монгольских народов. Одни определяли ее как чуждую, другие — как ее органичную часть [*Lörincz 1973: 104; Неклюдов 2019: 8*]. Мы уже отмечали, что в XVII в. буддизм у ойратов трансформировал картину мира. Пожалуй, не осталось ни одного аспекта духовной культуры, куда бы ни внедрились элементы буддийского мировоззрения.

Имеющиеся в структуре мифа буддийские элементы органично вплетены в его содержание и не выглядят как искусственные вкрапления, которые можно было бы легко вычленивать из канвы древнего мифологического сюжета. Более того, вполне естественным в ойратском мифе становится тот факт, что действия в нем разворачиваются не в мифологическое начальное время, а в одну из циклических кальп буддизма, и содержательно он наполнен основополагающими буддийскими представлениями. Кажущиеся не очень существенными буддийские элементы наполняют миф не присущим для него понятием судьбы, страдания и конечности жизни. Однако при этом буддийские элементы лишь дополняют содержание мифа, но не изменяют его традиционной структуры. Для примера обратимся к тексту ойратского мифа «Отчего собака покрыта шерстью, а человек нет»¹ («*Kümün nücüken noxoi üsütei boluqsan-ni*») [*ХТ 1988: 63–64*]:

Давно это было. После того, как установилась кальпа этого мира, Бурхан-Тенгер решил создать человека и вылепил из глины мужчину и женщину. Для того чтобы оживить их, ему нужно было отправиться за аршаном (живой водой). Позвал он кошку с собакой, поручил им глиняных людей и сказал: «Будьте бдительны, черт непременно придет, чтобы навредить им». Бурхана долго не было и, действительно, явился черт, чтобы навредить глиняным людям. Но собака и кошка, сменяя друг друга, несли охрану и не давали ему приблизиться к ним. Тогда черт нашел хитрую уловку. Он бросил собаке кусок мяса, а кошке дал чашку молока. Пока собака ела мясо, а кошка лакала молоко, черт помочился на двух глиняных людей и удалился.

Когда Бурхан-Тенгер вернулся с аршаном, то оказалось, что два глиняных человека загрязнены мочой черта. Бурхан рассердился и велел кошке вылизать загрязненные волосы на теле глиняного человека. Затем вылизанные кошкой волосы он наклеил на собаку. Поскольку моча черта не попала на голову человека, то на голове и в тех местах, куда кошки не смогла достать языком, волосы на теле человека остались. Говорят, поэтому у человека на теле нет волос, а собака оказалась покрыта шер-

¹ Здесь и далее перевод наш. — Б. Б., У. Д.

стью. Отсюда пошла поговорка: «У кошки язык грязный, а у собаки — шерсть». Человек, оживленный аршаном, должен был жить вечно. Но из-за того, что черт загрязнил его своей мочой, срок его жизни оказался определенным.

В структуре этого мифа сверхъестественное существо Бурхан-Тенгри — это еще не Будда (ойр. *Бурхан Багши*), но уже и не Тенгри (ойр. *Теңгер*), главный объект почитания древней религиозной системы тенгрианства. Попытка свети два стадияльно разных объекта почитания в единый образ и наречение его *Бурхан-Тенгери* свидетельствует о незавершенном процессе замещения одного сверхъестественного существа другим объектом почитания.

Несмотря на появление в мифе буддийских элементов, в целом изначальная структура мифа сохранилась в прежнем виде. Миф повествует не просто об акте творения или происхождении человека в начальные времена, а о важнейшем событии, свершение которого сделало человека таким, каким он есть в настоящем мире. Первый значимый элемент мифа, о котором не говорится прямо, но который является основой данного повествования — несовершенство мира, созданного сверхъестественным существом. Мир и населившие его живые существа уже созданы, но он беден, не полон и не гармоничен, поскольку в нем нет человека.

Второй значимый элемент — отсутствие у Бурхан-Тенгри чудодейственных способностей. Он лепит из глины фигурки мужчины и женщины, но вдохнуть в них жизнь не в силах, поэтому вынужден отправиться за живой водой (аршаном). Так судьба двух первых людей оказалась зависимой от поведения двух животных, оставленных для их охраны, — кошки и собаки.

Третий и основной элемент структуры мифа — смертность человека как следствие произошедшего. Дело даже не в абсурдности того, что срок жизни человека стал ограниченным из-за животных, которые не исполнили надлежащим образом порученные им обязательства. И даже не в том, что если бы этого не произошло, человек мог бы существовать бесконечно долго. Дело в том, что демонологический Черт (*чуткур*) предстает неким существом, обладающим способностями наносить вред окружающему миру и населяющим его существам. Например, сокращать срок жизни человека, помочившись на еще не оживленные глиняные фигурки первых людей.

Этот мифологический сюжет находит свое соответствие в мифологии тюркоязычных алтайцев, которые в свое время входили в состав Джунгарского ханства и фольклор которых также был подвержен определенному влиянию буддизма [НПА 2011: 22]. Однако алтайский миф заметно отличается своей структурой. В нем *Кудай*, так же как и в ойратском мифе *Бурхан-Тенгри*, отправляется на поиски чего-нибудь, поскольку «для души-тын человека что-нибудь идти искать надо было». В это время *Эрлик*, как и *чуткур* в ойратском мифе, обманывает собаку и, вставив тростинку в анус человека, вдыхает в него душу-тын [НПА 2011: 74–75].

В алтайском сюжете, в отличие от ойратского, выпадает этиологическое содержание повествования, он представляет осколок мифа творения. В свою очередь ойратский миф, который, казалось бы, своим названием указывает на присущий ему этиологический характер повествования, является своего рода дополнением к мифам творения.

3.2. Буддийская притча или этимологический миф

Среди ойратских мифов есть сюжеты, которые воспринимаются как буддийские притчи, несмотря на то, что в них содержатся структурные элементы мифа. Показателен в этом отношении миф под названием «Как появился еж» («Zaḡā yaḡajī bui boloqsan bui»), опубликованный в первом томе свода фольклора ойратов Синьцзяна [СФОС 2006: 144]:

Когда-то давно жил один бедный старик. Он существовал тем, что каждый день рубил сухую карагану и носил ее на продажу. В один из дней Будда решил обойти мир людей и животных, дабы убедиться, что все находятся в благополучии, не подвержены болезням и страданиям. Когда он обходил землю, ему встретился бедный старик, одетый в дырявое дэли (халат) и тащивший на себе тяжелую связку караганы. Будда почувствовал к нему сострадание, вынул из-за пазухи кусок золота, протянул старику и сказал: «Это обеспечит тебе безбедное существование до конца твоих дней. Больше не носи карагану, не подвергай себя страданиям». Будда отдал старику драгоценный камень и ушел осматривать мир далее.

Прошло три года. Будда в очередной раз совершал обход земли, дабы убедиться в спокойствии и благополучии всех живых существ. Когда он обходил землю, то ему опять встретился тот же старик в том же дырявом халате, тащивший на себе большую связку караганы. Старик, увидев Будду, смутился и не нашелся что сказать. Тогда Будда сказал: «Ты все также продолжаешь носить карагану? Больше не надо носить ее, подвергая себя страданиям». Он протянул старику драгоценный камень, который невозможно было растратить за одну жизнь. Затем попрощался со стариком и ушел.

Прошло еще три года. Будда, как и прежде, обходил землю и ему опять встретился все тот же старик в дырявом халате, тащивший на себе огромную связку караганы. Когда Будда направился к нему навстречу, старик лег на землю и спрятался под связкой караганы. Тогда Будда молвил: «Ты, существо с несчастной судьбой, большими страданиями, малыми благодеяниями и множеством грехов. Получив золото, ты так и не сумел изменить своего положения. Взяв драгоценность, так и не сумел разбогатеть. Так будь же ты ежом!».

Когда Будда сказал так, старик в тот же миг превратился в ежа. Говорят, поэтому еж, увидев человека, сворачивается в клубок. Его колючки напоминают большую связку сухой караганы.

В добуддийском веровании ойратов одним из почитаемых культов был культ Белого старца, образ который был ассимилирован буддизмом. Согласно традиции, Белый старец второго и шестнадцатого числа каждого месяца по лунному календарю совершает обход земного мира и записывает все благие и греховные деяния людей [Сутра 2023: 62]. В содержании данного мифа древний добуддийский культ Белого старца замещен образом Будды, получившим в мифологической традиции ойратов несвойственную для него роль владыки земной тверди и вершителя судеб живых существ.

В содержательном аспекте миф как бы наполнен основополагающим в буддийском мировоззрении понятием кармы и не присущим для мифа значением несчастной судьбы и страдания, как следствие человеческого невежества. Напомним, что миф не может быть подвержен моральной оценке и он не являет образцы

хорошего или плохого действия. Миф повествует о первых событиях, результатом которого что-то или кто-то является таким, каким оно есть в настоящем.

В этом мифе Будда дает бедному старику золото и драгоценный камень, чтобы тот смог, не подвергая себя страданиям, прожить оставшиеся годы жизни. Однако старик вопреки всему продолжает вести прежний образ жизни, несмотря на возможность изменить ее к лучшему. Будда называет его несчастным существом, которое вследствие малых благодеяний и множества грехов не может воспользоваться представленной ему возможностью, и превращает его в ежа. Так естественная для Белого старца функция наказания тех или иных живых существ за их греховные деяния переносится на Будду.

Столь несвойственная для Будды функция подспудно как бы оправдывается понятием буддийской кармы, индивидуальной судьбы. Как видно из содержания мифа, в нем нет явно выраженной дидактики, а этиологическая концовка объясняет, как появился в этом мире еж. Сюжет этого мифа близок произведениям комментаторской литературы буддизма.

3.3. Образ Будды в этиологических мифах

Этиологические мифы, согласно мнению исследователей, относятся к архаической мифологии, которая объясняет происхождение и характерные особенности птиц, животных, растений и др. [Мифы 2017: 17]. Мифы подобного рода также подверглись заметному влиянию буддизма. Среди действующих персонажей появляются Будда и другие божества буддийского пантеона.

Среди рассматриваемых мифов есть два сюжета этиологического содержания, в которых главным персонажем выступает Будда. Один из мифов известен под названием «Отчего сосна, можжевельник и эфедра вечнозеленые» («Хагуā arca zērgene möngküdü kökü boluqsan-ni»). Он является пятым из семнадцати рассказов устного цикла обрамленных повестей «Волшебный мертвец» («Sīdüküür-yin üliḡer»), записанного у синьцзянского сказителя О. Байака¹ [ХТ 1989: 35–37]:

Будда наделил совершенным умом рожденных людьми и подчинил им судьбы всех животных. После того он дал вечную воду (ариан) двум своим слугам — ворону и вороне, он отправил их с наказом разбрызгать ее над рожденными людьми. Когда они, набрав вечной воды в клювы, летели над сосновым лесом, то ворона увидела на краю леса тушу мертвого оленя. Едва она успела раскрыть клюв, чтобы сказать ворону: «Давай выключем оба глаза этого мертвого оленя», как в тот же миг вечная вода пролилась над сосновым лесом. Рассерженный ворон ответил: «Разве здесь тебе велели разбрызгать вечную воду, разве нас с тобой не отправили разбрызгать ее над рожденными людьми». В тот же миг вечная вода из его клюва пролилась над можжевельником и эфедрой.

Ворону и вороне пришлось ни с чем вернуться восвояси. Поскольку живая вода, дарованная Буддой, пролилась над соснами, можжевельниками и эфедрой, то с тех пор они все четыре времени года остаются вечнозелеными. Будда рассердился на ворона и ворону и прогнал их прочь. С той поры ворон, говорят, не каркает подобно вороне. Не раскрывая клюва, он лишь произносит через нос: «хунг, хунг», словно бы вина себя в случившемся.

¹ В пяти номерах журнала «Хан Тенгер» (1989–1990 гг.) было опубликовано семнадцать сюжетов из сборника обрамленных повестей «Волшебный мудрец». Публикация сборника оказалась незавершенной, поскольку журнал прекратил свое существование.

Как видно из вступительной части сюжета, после завершения мироустройства Будда наделяет людей совершенным умом и веряет им судьбы остальных живых существ мира. В этой вступительной части подспудно присутствует скрытый акцент на несовершенство созданного мира, несмотря на то, что он уже населен людьми и животными. Верховному божеству, в данном случае Будде, нужно некоторое время, чтобы осознать это. Этот элемент структуры архаического мифа, возможно, как-то связан с представлением об «отдыхающем боге». После некоторой паузы Будда решает, что людям, наделенным совершенным умом, не хватает бессмертия. Он отправляет двух своих слуг-воронов разбрызгать над людьми вечную воду.

Далее происходит «классическое» для мифа событие, когда смертность человека становится результатом произошедших событий. В данном случае ворон и ворона допускают досадную оплошность, в результате которой человек лишается бессмертия. Вечная вода, случайно выпавшая на лес, делает вечнозелеными сосну, можжевельник и эфедру.

В другом сюжете мифа Будда выступает устроителем законности и защитником всех живых существ, избавляющим их от различных невзгод и несчастий. Сюжет мифа «Отчего у грифа ноги обожженного цвета» («Тas-yin tabuq уayād tülengkei болуqсан буи») построен на сказочном мотиве выполнения трудного задания. Текст этого мифа записан в Синьцзяне школьным учителем Б. Байн-кишик [ХТ 1982: 156–157]:

В прежние времена хищный гриф был невероятно жестоким и питался только мясом человека. Каждый день он хватал кого-нибудь из тех людей, кто попался ему на глаза, и съедал. Узнав об этом, Будда наполнился состраданием к людям. Чтобы избавить их от опасности, он позвал грифа и сказал: «Твоя сила действительно велика! Давай померимся силой. Если выиграешь ты, то я отдам свою власть тебе, если выиграю я, ты должен будешь следовать моим приказам». Гриф обрадовался, услышав, что Будда обещает в награду свою власть, и ответил: «Хорошо, если я не смогу выиграть, то последую вашей воле».

Тогда Будда сказал: «Сейчас я выставлю одного человека. Если ты сможешь схватить его и улететь, выиграши будет за тобой. Если не унесешь, то выиграши будет мой». Будда завязал глаза грифу, сотворил силой волшебства каменного человека и раскалил его волшебным пламенем докрасна. Затем снял повязку с глаз грифа и сказал: «Лети и схвати этого человека!». Гриф полетел, схватил каменного человека, но не только не смог его сдвинуть с места, но и обжег себе ноги.

Тогда Будда спросил: «Кто из нас выиграл?». Грифу ничего не оставалось, кроме как сказать: «Вы выиграли, поступайте, как сочтете нужным». «Отныне ты не только перестанешь убивать людей, но даже не прольешь крови из носа мышки. Станешь питаться трупами диких и домашних животных, павших в горах и долинах», — повелел Будда и отпустил грифа. С тех самых пор ноги у грифа обожженного цвета и он стал бояться людей.

Сюжеты, в которых главными персонажами выступают Будда и мифический царь птиц Гаруди, широко известны в фольклоре монгольских народов. В них, как правило, Будда подчиняет себе царя птиц, который проигрывает ему в споре. В данном мифе мифического царя птиц замещает хищный гриф, который, согласно содержанию мифа, со времени своего появления в этом мире питается плотью

живых существ, в том числе и людей. Будда решает исправить существующее положение вещей и вызывает грифа на состязание в силе.

Таким образом, в этом мифологическом сюжете Будда выступает своеобразным преобразователем уже существующего порядка. Он с помощью искусного средства добивается победы над грифом и подчиняет его себе. Объясняющая функция заключена не только в том, что у грифа ноги обожженного цвета, из-за того, что он схватил раскаленную каменную фигуру человека, но и в том, что с тех пор он стал бояться человека.

4. Заключение

В мифологической традиции ойратов сохранились как архаические элементы, так и более поздние напластования, которые были связаны с процессом трансформации этнической картины мира под влиянием буддийской картины мироздания. Буддизм стал органичной частью духовной культуры ойратов, и его невозможно вычленивать из религиозно-мифологической традиции ойратов.

Анализ структуры и содержания ойратских мифов позволяет выделить в их ядре как архаические, так и более поздние буддийские напластования. При этом буддийский взгляд на мир доминирует над архаичным содержанием мифа. Более того, действие в них начинает разворачиваться не в мифологическое время первотворения, а в одну из циклических кальп буддизма. В содержании проанализированных ойратских мифов образы Белого старца и Тенгри замещаются образом Будды, на которого переносятся функции, присущие этим божествам древней религиозной традиции кочевников Центральной Азии.

Будда выступает в мифах ойратов как творец первых людей, как устроитель миропорядка и защитник людей и животных. Столь несвойственная для основателя мировой религии функция как бы оправдана подспудным наличием в содержании тех или иных мифологических сюжетов буддийского понятия кармы. Мифу как таковому не присуща моральная установка. Он лишь объясняет результат того, что произошло в первоначальное время.

Таким образом, структура и содержание ойратских мифов хотя и значительно трансформировались под влиянием буддизма, но при этом миф в целом не утратил своей универсальной функциональной значимости.

Источники

- Мифы 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. Подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Мифы народов мира 1994 — Мифы народов мира: в 2 тт. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 2: К–Я. М.: Рос. энцикл., 1994. 719 с.
- НПА 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
- СФОС 2006 — Свод фольклора ойратов Синьцзяна КНР. Сказки [Dumdu ulusiyin Ūiŋjiyang-giyin mongyol aradiyin aman ūliger-yin emkidkel. Ūliger.] / гл. ред. Ч. Эрэнце. Урумчи: Народное издательство Синьцзяна, 2006. 866 с.
- ХТ 1982 — Tas-yin tabuq уауād tūlengkei boluqsan bui (= Отчего у грифа ноги обожженного цвета) // Xān Tengger. 1982. № 2. С. 156–157.
- ХТ 1988 — Kūmūn nūūiken noxoi ūsūtei boluqsan-ni (= Отчего собака покрыта шерстью, а человек нет) // Xān Tengger. 1988. № 1. С. 63–64.

ХТ 1989 — Харγā arca zērgene möngküdü kökü boluqsan-ni (= Отчего сосна, можжевельник и эфедра вечнозеленые) // *Xān Tengger*. 1989. № 3. С. 35–37.

Sources

- The Fabulous Prose of the Altaians. N. Oynotkinova, I. Shinzhin, K. Yadanova, E. Yamaeva (comps). In: *Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East*; Vol. 30. Novosibirsk: Nauka, 2011. 576 p. (In Alt. and Russ.)
- The Code of Kalmyk Folklore. Myths, Legends and Traditions of the Kalmyks. T. Basangova, T. Mikhaleva (comps., trans., intro. art., notes, comments, indexes, dictionary). M.: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and In Russ.)
- Myths of the Peoples of the World: in 2 vols. S. A. Tokarev (ed.-in-chief). 2nd ed. Vol. . Moscow: Russian encyclopedia., 1994. 719 p.
- The Set of Folklore of the Oirats of Xinjiang, China. Fairy Tales. C. Erentse (comp.). Urumqi: Xinjiang People's Publishing House, 2006. 866 p. (In Oirat.)
- Why do vulture's legs have a burnt color? In: *Khan Tengger*. 1982. № 2. С. 156–157. (In Oirat.)
- Why is a dog covered with hair, but a man is not In: *Khan Tengger*. 1988. № 1. С. 63–64. (In Oirat.)
- Why are pine, juniper and ephedra evergreen In: *Khan Tengger*. 1989. № 3. С. 35–37. (In Oirat.)

Литература

- Арья Шура 2000 — Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой, предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. 367 с.
- Бичеев 2023 — *Бичеев Б. А.* Иконография буддизма: традиция изображения Белого старца // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2023. № 3. С. 576–597.
- Будда 2001 — Будда. Истории прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 544 с.
- Джатаки 2003 — Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды / пер. с пали А. Парибка и В. Эрмана. СПб.: Возрождение, 2003. 416 с.
- Ёндон 2013 — *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. 2-е изд. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2013. 201 с.
- Их цааз 1981 — Их Цааз («Великое Уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. Транслит. сводн. ойратск. текста, реконстр. монгольский текст и его транслит., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1981. 148 с.
- Кайуа 2003 — *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
- Мифы 2012 — Мифы Алтайских гор / сост. С. К. Петешева. Горно-Алтайск: ИП Кыдыев С. В., 2012. 96 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Рабнабхадра 1999 — Рабнабхадра. «Лунный свет»: История рабдхам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи; пер. с ойратск. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., прим. и указатели А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.
- Сутра 2023 — «Сутра Белого старца» на «ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарии, факсимиле / под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. М.: Наука – Вост. лит., 2023. 335 с.
- Сутра 2002 — Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. 320 с.
- Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* «Дхаммапада» и буддийская литература // *Дхаммапада* / пер. с пали. Новосибирск: Согласие, 2003. С. 5–60.
- Элиаде 2001 — *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2001. 240 с.
- Эрман, Парибок 2003 — *Эрман В., Парибок А.* Предисловие // Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. СПб.: Возрождение, 2003. С. 3–20.
- Lörincz 1973 — *Lörincz L.* Die mongolische Mythologie // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1973. Vol. 27. No. 1. S. 103–126.

References

- Arya Shura. Garland of Jatak, or Tales of the Bodhisattva's Exploits. A. Barannikov and O. Volkova (transl.). O. Volkova (pref. and notes). 2nd ed. M.: Vostochnaya Literatura, 2000. 367 p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. Zaya Pandita. Lists of the Kalmyk Manuscript "Biographies of Zaya-pandita". Elista: Kalmykian Book Publ., 1968. 77 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. Iconography of Buddhism: The Tradition of Depicting the Old White Man. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts.* 2023. No. 3. Pp. 576–596. (In Russ.)
- Eliade M. Aspects of Myth. M.: Academic Project, 2001. 240 p. (In Russ.)
- Erman V., Paribok A. Preface. Jatakas: Selected Stories about the Buddha's Past Lives. St. Petersburg: Vozrozhdenie, 2003. Pp. 3–20. (In Russ.)
- Endon D. Fairy Tales in the Monuments of Tibetan and Mongolian Literature. 2nd ed. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2013. 201 p. (In Russ.)
- Ihe Tsaaz ("The Great Code"). Monument of the Mongolian Feudal Law of the 17th Century. The Oirat Text. Transliteration of the Consolidated Oirat Text, the Reconstructed Mongolian Text and its Transliteration. S. Dylykov (trans., intro and comm.) M.: Nauka, Vostochnaya Literatura, 1981. 148 p. (In Russ.)
- Jatakas: Selected Stories about the Buddha's Past Lives. A. Paribok and V. Erman (transl.) St. Petersburg: Vozrozhdenie, 2003. 416 p. (In Russ.)
- Kayua R. Myth and Man. Man and the Sacred. M.: OGI, 2003. 296 p. (In Russ.)
- Lörincz L. Die Mongolische Mythologie. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1973. Vol. 27. No. 1. Pp. 103–126. (In Germ.)
- Myths of the Altai Mountains. S. Peteshev (comp.). Gorno-Altaysk: Kydiev S. V., 2012. 96 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia. Myth and Ritual. M.: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Radnabhadra. "Moonlight": The Story of Rabjam Zaya Pandita. Facsimile of the Manuscript; G. Rumyantsev and A. Sazykin (transl.) A. Sazykin (translit., pref., notes and indexes). St. Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie, 1999 (In Russ.)
- Sutra on Wisdom and Stupidity (Zanlundo). Yu. Parfionovich (trans., intro, comm.). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 320 p. (In Russ.)
- The Buddha. Stories of Past Births. Garland of Jatak. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 544 p. (In Russ.)
- "The Sutra of the White Elder" in "Clear Letter": Research, Translation, Transliteration, Comments, Facsimile. N. Yampolskaya, N. Yakhontova (eds.). M.: Nauka. Vostochnaya Literatura, 2023. 335 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. "Dhammapada" and Buddhist Literature. In: Dhammapada. Translated from Pali. Novosibirsk: Soglasie Publ., 2003. Pp. 5–60. (In Russ.)